

ПОЧЕМУ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО ГОДА НАЗЫВАЮТ ПРАЗДНИКОМ ВЕСНЫ?

«**В** первый день первого месяца по лунному календарю в каждой семье отмечают Новый год. Повсюду гирлянды из фонариков, хлопушки гремят дни напролет...»

Когда слышишь эти строки из веселой праздничной песни «Поздравляем с Новым годом», тут же появляется новогоднее настроение. *Чуньцзе* — Праздник весны — это самый торжественный, самый веселый китайский народный праздник. Во время Чуньцзе все члены семьи собираются вместе, украшают дом гирляндами, готовят новогодний стол, навещают друзей и родственников — и всем становится очень весело!

Но почему же первый день нового года называют Чуньцзе, а еще — Нянь? Это объясняет интересная легенда.

Давным-давно в одной прекрасной местности у подножия горы Динъян была маленькая деревушка. На холме у окраины деревни стоял небольшой каменный дом, а жил в нем хозяин — парень по имени Вань Нянь, это имя означает «десять тысяч лет». Вань Нянь был очень беден и зарабатывал на жизнь, собирая лекарственные травы и заготавливая

дрова. Тогда люди еще не делили год на сезоны и периоды по лунному календарю и не знали, когда лучше начинать посев, а когда — жатву. Дни шли беспорядочно, а урожай заставлял желать лучшего. Вань Нянь это очень тревожило, и он решил установить сезоны. Но с чего же начать?

Однажды Вань Нянь пошел в горы на заготовку дров. Когда он отдыхал в тени деревьев и наблюдал, как понемногу тени движутся за солнцем, его осенило: «Я могу использовать движение тени, чтобы отсчитывать время!» Он смастерил солнечные часы и с помощью тени стал отсчитывать длину дня. Но далеко не каждый день — солнечный: иногда небесный владыка заставляет небо хмуриться и лить дожди, а иногда покрывает все туманом. В такую погоду солнечные часы становились бесполезны. И Вань Нянь решил создать другой прибор для измерения времени — такой, который работал бы без помощи солнца.

Однажды, собирая в горах травы, Вань Нянь захотел пить и подошел к источнику. Вода текла из скалы и размеренно падала вниз: кап-кап... кап-кап... кап-кап... Вань Нянь засмотрелся на капающий источник, немного поразмыслил и, даже не собрав трав, устремился домой. Он долго рисовал, мастерил и наконец создал водяные часы с пятью уровнями. С тех пор он стал каждый день измерять тень от гномона и наблюдать за водяными часами. Постепенно Вань Нянь заметил удивительную закономерность: каждые триста шестьдесят с лишком суток длина дня повторяется снова, а самый короткий день — зимнее солнцестояние.

Но не только Вань Нянь беспокоился об установлении сезонов. Один правитель по имени Цзу И часто переживал о том, что мера времени его подданным неведома. Поэтому Цзу И созвал всех чиновников и велел им найти причину неразберихи с сезонами. Чтобы угодить правителю, один из чиновников по имени Э Хэн сказал:

— Люди провинились перед небесными духами, и именно поэтому сезоны беспорядочны. Единственный выход — это установить алтарь и поклоняться небесам: только так можно добиться прощения богов.

Цзу И поверил словам чиновника, а потому принял поститься, совершал омовения, водил чиновников к придворному алтарю, чтобы постоянно поклоняться духам, и приказал установить алтари для жертвоприношений по всей стране.

Но поклонения богам не принесли никакой пользы. Для строительства алтарей люди по всей стране должны были жертвовать деньги, выполнять множество работ, а затем — и вести богослужения. Все это оказалось слишком обременительно для простого народа. В конце концов Вань Нянь не вытерпел и, взяв с собой солнечные и водяные часы, решительно направился к правителю.

После многих уговоров Вань Няня пустили в зал правителя Цзу И, и юноша рассказал ему о своих длительных наблюдениях за циклами движения луны и солнца и о времени зимнего солнцестояния. Эти сведения стали неожиданной большой радостью для Цзу И. Правитель тут же отдал приказ: выстроить перед главным столичным алтарем Дворец солнца и луны и установить там солнечные и водяные часы. Кроме того, Цзу И отправил двенадцать слуг в помощь Вань Няню. По указанию Ван Няня шесть слуг следили за солнечными часами, а остальные — за водяными. Все они вели подробные записи и регулярно отчитывались перед Вань Нянем.

Однажды Цзу И приказал тому льстивому чиновнику Э Хэну узнать, как движется составление календаря. Когда Э Хэн поднялся во Дворец солнца и луны, он увидел надпись на каменной стене алтаря: «Солнце восходит и садится триста шестьдесят раз, завершает круг и начинает его сначала. Трава и деревья увядают и цветут согласно четырем

сезонам. Каждый год содержит двенадцать циклов». Э Хэн удивился и испугался одновременно. Он подумал: «Этот Вань Нянь и в самом деле очень умен... Правитель наверняка будет больше доверять ему, чем мне! И тогда кому я, Э Хэн, стану нужен?» Чем больше он рассуждал, тем страшнее ему становилось и тем скучнее казалось будущее: отставка, отъезд в глухую деревню, никаких столичных развлечений и, главное, никаких придворных интриг...

И Э Хэн решил избавиться от Вань Няня. После долгих поисков он за большие деньги нанял одного убийцу, который умело стрелял из лука. Э Хэн устроил застолье, на котором он и убийца веселились и пили много вина. После попойки стрелок направился во Дворец луны и солнца, но внутрь попасть не смог: здание было окружено охранниками. Тогда убийца нашел поблизости высокий дом, забрался на крышу и выстрелил в наблюдавшего за звездами Вань Няня издалека. Кто бы мог подумать, что жадный до вина стрелок выпьет слишком много? В его глазах все казалось мутным и неясным, и стрела угодила лишь в плечо Вань Няня.

Вань Нянь с криком упал на землю, а его помощники тут же заголосили:

— Лови убийцу!

На крики прибежали охранники, они заметили на крыше соседнего дома лучника, поймали его и привели к правителю. Цзу И как следует расспросил еще не опомнившегося от хмельного вина стрелка и тут же отправил Э Хэна в тюрьму. Затем Цзу И направился во Дворец солнца и луны, чтобы навестить Вань Няня. Тот был очень растроган и, указывая на звезду Шэнь — девятую звезду из двенадцати в цикле, сказал:

— Звезда Шэнь догнала скопление звезд Цань, и звезды вернулись на свои места. Сегодня к полуночи закончится старый год и начнется новый. Я прошу государя утвердить в этот день праздник.

Цзу И минуту подумал и поддержал эту идею:

— Весна — это главное время года. Пусть же отныне первый день нового года называется Праздником весны — Чуньцзе. Во Дворце солнца и луны ты тратил все силы и вкладывал всю душу, чтобы создать лунный календарь. Тебе было тяжело, но ты достиг успеха. А теперь против тебя строят козни враги. Прошу тебя: живи в моем дворце и восстанавливай силы!

Вань Нянь ответил:

— Хотя мы с помощниками и составили лунный календарь, он недостаточно точен. В конце года еще осталось время, которое необходимо точно высчитать. Время летит очень быстро, и если не определить эти оставшиеся часы и минуты, то год за годом календарь снова будет сбиваться. Народ надеется на меня, и правитель ко мне милостив. Я должен посвятить всего себя работе во Дворце солнца и луны, тщательно вести подсчеты и определить точный календарь.

И так кропотливо Вань Нянь вел наблюдения и тщательные подсчеты. Из оставшихся в конце каждого года часов и дней он составил месяц, и его следовало добавлять к календарю примерно раз в три года. В пятый месяц того года Цзу И отправился во Дворец солнца и луны для поклонения богам, и персики, предназначенные для жертвоприношения, он даровал Вань Няню. Вань Нянь же преподнес ему лунный календарь. К этому времени Вань Нянь уже стал седовласым старцем. Цзу И был глубоко тронут и переименовал лунный календарь в календарь «Вань Нянь» — «календарь десяти тысяч лет», а самому Вань Няню даровал титул Жи Юэ Шоусин (Старец звезды Долголетия).

Вот после этого люди и стали называть Чуньцзе празднованием Нянь («празднованием года») и вешать в домах изображения Вань Няня как символ счастья и долголетия в новом году.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУНЬЦЗЕ

Древние китайцы первый день нового года называли «юань дань» — «первый рассвет». Или же говорили: «юань жи», «юэн чэн», «юань шо», «суй шоу», «синь чжэн», «суй цзо», «сань юань». В эпохи Ся, Шан и Чжоу устанавливались разные названия праздника.

После того как император Цинь Шихуан-ди¹ объединил Китай, он утвердил первым месяцем года чжэн юэ (正月) — десятый лунный месяц. Возможно, кому-то покажется странным, что иероглиф чжэн, который изначально читается четвертым тоном, в названии месяца «чжэн юэ» читается первым. Так повелось еще со времен Цинь Шихуан-ди. Фамилия Цинь Шихуан-ди — Ин, а имя — Чжэн (政). Иероглиф имени императора и названия месяца хоть и разные на письме, но имеют одинаковое чтение «чжэн», поэтому для чтения названия месяца было установлено строгое правило. Император отдал приказ, чтобы по всей стране иероглиф чжэн читали первым тоном — отлично от его имени. С тех пор такое чтение и сохранилось.

В эпоху Хань император У-ди назначил первый день первого месяца (месяца чжэн) первым днем нового года — днем Нянь. С тех пор дата Нянь утвердилась и сохранилась по сей день.

В 1911 году после Синьхайской революции² произошел переход на солнечный, григорианский календарь. Первый

¹ Шихуан-ди (259–210 гг. до н.э.) — правитель царства Цинь (с 246 г. до н.э.), положивший конец многовековой эпохе Воюющих Царств, к 221 г. до н.э. установивший единоличное господство на всей территории Внутреннего Китая и вошедший в историю как правитель первого централизованного китайского государства.

² Синьхайская революция в Китае началась Уханьским восстанием 1911 г. (в год «синьхай» по старому китайскому календарю), свергла монархию и провозгласила республику.

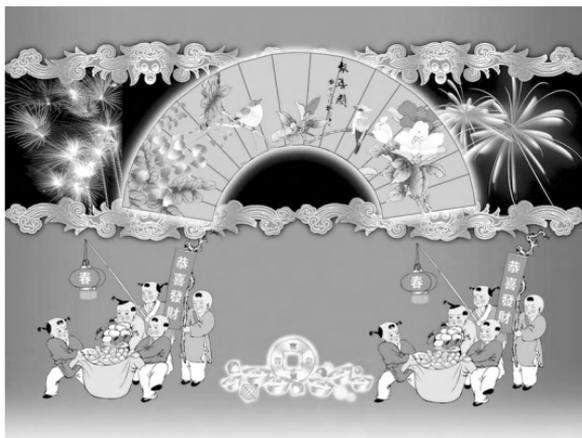
день первого месяца по новому календарю стал первым днем года — Юаньдань, а первый день первого месяца по лунному календарю стали называть Чуньцзе или Нянь. Праздник Нянь имеет древнюю историю, насчитывающую уже более двух тысяч лет.

Древние китайцы, отмечая Новый год, прежде всего желали богатого урожая. В «Гулян чжуань», одном из трех комментариев к летописи «Чуньцю», было сказано: «Богатый урожай пяти зерновых ознаменует урожайный год». В словаре «Шовэнь цзецзы сичжуань фулу»³ династии Хань его автор писал об иероглифе 年 (нянь): «年 — это созревшие хлеба, от знака 禾 (хэ — хлеб на корню), звучит как 千 (цян — тысяча)». Иероглиф «нянь» (совр. 年, древн. 季) раньше изображали путем совмещения двух ключей — «колосья» (禾) и «тысяча» (千). Таким образом, происхождение «нянь» как понятия времени связано с посевами хлебов и циклами их роста. Иначе говоря, нянь — это празднование в честь богатого урожая от весенних посевов. Народ готовит угощения к столу из нового урожая, делает новое вино, все собираются вместе за вкусным ужином, празднуют итог годового труда, отдыхают, радуются, сбрасывают накопившуюся за год усталость.

Спустя две тысячи лет традиции праздника Чуньцзе стали еще более колоритными и яркими. Теперь люди наклеивают чуньянь — парные надписи с пожеланиями, развешивают изображения мэньшэнь — божеств, охраняющих вход в жилище, няньхуа — новогодние картинки, перевернутый иероглиф фу (福) — счастье, танцуют с фонарями в виде драконов, приносят дары предкам и поклоняются божествам, запускают петарды, дарят деньги детям, готовят праздничный ужин, не спят всю новогоднюю ночь, ходят друг к другу

³ «Изыяснение письмен и толкование иероглифов» — первый словарь китайских иероглифов, составленный Сюй Шэнем (ок. 58 г. н.э. — ок. 147 г. н.э.).

в гости с поздравлениями, посещают храмы... Конечно, с изменением образа жизни и повышением ее уровня некоторые старые новогодние традиции постепенно исчезли, но появились и новые: например, просмотр новогоднего концерта «Чуньвань» на Центральном телевизионном канале Китая, новогодний ужин в ресторане, поздравления по телефону, празднование Чуньцзе в путешествии и другие.

Наступает Чуньцзе, все радостно встречают Новый год

Современное общество упрощает новогодние традиции, стирает множество былых новогодних запретов, поэтому люди часто жалуются, что праздничное настроение Нянь пропадает. Но многие современные китайцы смотрят на это более оптимистично: уровень жизни стал намного выше, застолья можно устраивать гораздо чаще, чем в еще совсем недалеком прошлом, и разве тогда каждый день не будет Новым годом?

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧУНЬЛЯНЬ

Под Новый год во всех семьях расклеивают парные надписи *чуньянь*, добавляя празднику красочности и торжественности. А вы знаете, как появились чуньянь? Об их происхождении гласит одна очень интересная легенда.

Давным-давно в Китае высилась гора под названием Душо, прекрасным видом она вдохновляла художников и поэтов. На горе рос густой персиковый лес, и одно из персиковых деревьев было особенно высоким. Под этим деревом стояли два каменных дома, а их хозяевами были братья: старший — Шэнь Шу, младший — Юй Люй. Братья были очень дружны. Они берегли персиковый лес, каждое утро удобряли и рыхлили землю, подстригали ветви и листья. Персиковые деревья были тронуты заботой братьев и, благодаря своим покровителям, пышно цвели и давали плоды. Персики с этих деревьев вырастали большими, сладкими и очень аппетитными. Люди окрест даже говорили, что персики из этого леса — волшебные, и кто съест такой персик, станет бессмертным.

А с другой стороны горы Душо, на перевале Еню, жил демон по имени Е Ванцзы. В его власть попало очень много людей, и демон считал, что гора Душо принадлежит ему. Е Ванцзы был уродливым, а его сердце — еще более ядовитым, чем зуб змеи или жало скорпиона. Когда демон хотел есть, он выходил на охоту: ловил людей, ел человеческое мясо и пил кровь. Однажды Е Ванцзы узнал, что на горе растут персики, съев которые можно стать бессмертным. Он закричал от радости и тотчас послал одного из подчиненных за персиками бессмертия. Этот слуга прибыл на гору и сказал братьям:

— Мой правитель хочет поесть волшебных персиков. Скорей соберите мне их, да побольше!

Братья пришли в ярость:

— Наши персики — только для бедняков! Мы никогда не давали их никаким правителям, — ответили они и прогнали слугу демона.

Узнав, что его слугу прогнали, Е Ванцзы аж задрожал от ярости. Он кипел от злости, рычал по-звериному, топал кривыми тощими ножками, тряс костлявыми ручонками, плевался во все стороны и ломал ни в чем не повинные ветви деревьев. Немного успокоившись, демон надел военный кафтан и повел триста своих приспешников в поход, чтобы свести счеты с братьями.

Но Шэнь Шу и Юй Люй были умными людьми и уже давно подготовились к этой встрече! Они привели тигра, охранявшего персиковый лес, и разгромили войско Е Ванцзы в пух и прах, заставив его с позором бежать, клопоча от обиды и завывая от разочарования.

Е Ванцзы едва сумел спастись и долго не мог прийти в себя от испуга. Теперь он понял, как сильны братья, и подумал: «Днем не вышло, тогда я приду ночью. Я не верю, что не смогу забрать ваши жалкие жизни». Он долго ждал и наконец дождался подходящего момента.

Однажды вечером стояла кромешная тьма, и Шэнь Шу с Юй Люем крепко спали в своих кроватях. Вдруг они услышали шуршание с улицы, вскочили с постели одним прыжком, открыли дверь и — о ужас! — обнаружили за дверью с десятков демонов: каждый скалил зубы и рвался напасть на них. Но братья совсем не испугались. Шэнь Шу схватил персиковую ветку и пошел вперед, а Юй Люй с соломенным жгутом в руках — за ним. Старший брат бил демонов персиковой веткой так, что те падали наземь и просили пощады, а младший шел следом и жгутом связывал каждого. И в конце этой праведной битвы десятков демонов был накрепко связан и скормлен доброму тигру. Е Ванцзы и его переодетые прислужники хотели испугать братьев, но даже не предполагали, что будут уничтожены смелыми героями.

Персиковые дощечки «таофу»
с вырезанными на них именами
Шэнь Шу и Юй Люя

Люди в округе узнали, что братья уничтожили Е Ванцзы, и с тех пор питали к ним огромную благодарность. Они почитали Шэнь Шу и Юй Люй как своих благодетелей и спасителей.

Через несколько десятков лет братья умерли. Люди говорили, что они попали в небесный дворец и что Нефритовый император¹ сделал их духами, которые наказывают нечистую силу. Еще говорили, что персиковые деревья, которые сажали братья, продолжают отгонять злых духов. Поэтому каждый раз, когда наступало время встречать Новый год, люди обтесывали пару персиковых дощечек, рисовали на них братьев Шэнь Шу и Юй Люй с тигром и вешали дощечки по двум сторонам главного входа в дом. Так нечисть не осмеливалась зайти внутрь, и весь год проходил мирно и спокойно. Люди называли такие персиковые дощечки *таофу* («персиковые талисманы»). Таофу — это и есть предшественник чуньянь.

ИСТОРИЯ «ЧУНЬЛЯНЬ»

Чуньянь иногда называют *дуйлянь* («парные надписи»), потому что их композиция состоит из пары дощечек («дуйцзы» — «пара»). Так как они наклеиваются по обе стороны входной двери, их еще называют «мэньлянь» («дверные надписи») или «инлянь» («столбовые надписи»). На самых ранних чуньянь (таофу) не было надписей. А начиная со времен династии Хань люди перестали изображать братьев Шэнь Шу и Юй Люя и стали писать только их имена. В эпоху Пяти династий (907–960) на таофу появились парные фразы, а имена писать перестали. В главе «Наследственный дом Шу» трактата «Сун ши» («История Сун») есть запись о том, что правитель царства Шу, Мэн Чан², сам подписал чуньянь: «Новый

¹ Нефритовый император — верховное божество даосского пантеона.

² Мэн Чан — правитель царства Хоу в 938–965 гг.

год — это воздаяние нам за добрые дела предков. Пусть прекрасный праздник знаменует вечную молодость». Говорят, что это и есть самый древний китайский чуньянь. У поэта эпохи династии Сун, Ван Аньши³, есть стихи о том, как к Новому году в каждом доме расклеивают чуньянь: «В каждом дворе сияет солнце, старые персиковые дощечки меняются на новые».

Император Чжу Юаньчжан⁴ был первым, кто стал писать чуньянь на красной бумаге. Именно он официально утвердил название «чуньянь». Император не только сам сочинял надписи, но и побуждал к этому подданных. Чуньянь становились все более распространенными, люди стали клеить их не только на Чуньцзе, но и во время других радостных событий — или когда просто было хорошее настроение.

Во времена эпохи Цин чуньянь стали еще более искусными и обрели еще более глубокий смысл. Есть одна интересная история об императоре Цяньлуне⁵, связанная с чуньянь.

Однажды император Цяньлун, спускаясь по реке Янцзы, попал в деревню Тунчжоу. Так как в провинции Хэбей тоже есть место под названием Тунчжоу, ему в голову пришла рифма, и он написал первую фразу для чуньянь: «Тунчжоу есть у севера, Тунчжоу есть у юга. Так север и юг связаны туго». Затем сказал свите: «Придумайте пару к этой надписи». Придворные стали наперебой предлагать варианты, но ни один не нравился императору. В конце концов один мелкий чиновник заметил, что хотя Тунчжоу и небольшое поселение, в нем очень много ломбардов. И он придумал такую хитроумную

³ Ван Аньши (1021–1086) — китайский государственный деятель, прозаик и поэт, автор трактата «Рассуждения о ритуале и музыке».

⁴ Чжу Юаньчжан (1328–1398) — первый император династии Мин, правил с 1368 по 1398 г.

⁵ Цяньлун (1711–1799) — шестой маньчжурский император династии Цин.

фразу: «Ломбарды есть на западе, а есть и на востоке. В этом запад с востоком вовсе не одиноки». Цяньлун, услышав это, аплодировал от восторга: «Отлично! Так ловко подобрал слова!» — и тут же наградил этого чиновника.

Теперь вы наверняка понимаете, почему чуньянь стали такими распространенными.

Приносящие счастье парные надписи
чуньянь

ЛЕГЕНДА О ТАНЦЕ ДРАКОНА

Считается, что китайцы — потомки дракона. Чуньцзе, конечно, не обходится без образа этого красивого мифического существа. Танец дракона с фонарями — это традиционный обряд в Чуньцзе, и о его происхождении тоже существует легенда.

Давным-давно на берегу Тяоси находилась деревня Лотоса. В этой деревне было озеро, заполненное лotosовыми цветами. Когда наступало лето, его устилали листья, как зеленое покрывало, и прекрасные цветы, обдуваемые ветром, изящно танцевали на водной глади.

На берегу Лotosового озера жили добрые трудолюбивые супруги. Мужа звали Бай Е, что означает «сто листьев», а жену — Хэ Хуа, что означает «цветок лotosа». Они оба трудились, были добры друг к другу и жили очень счастливо. В один год Хэ Хуа забеременела. Прошло даже не девять, а десять месяцев, но младенец так и не появился на свет. Прошел еще год, но ребенок не родился. И только на девятьсот девяносто девятый день с плачем на свет появился

мальчик. Бай Е увидел прекрасного здорового малыша и обрадовался, но все-таки ему показалось: что-то не так. Он внимательно взглянул еще раз — и поразился. На груди и на спине малыша мерцала тонкая золотая драконья чешуя. Он посчитал чешуйки: их оказалось девятьсот девяносто девять. Женщина, которая принимала роды, тоже сильно удивилась и крикнула во весь голос:

— Ну и чудеса! В вашей семье родился Дух Дракона!

Весть об удивительном малыше быстро разнеслась по всей деревне. Началась шумиха, все сельчане приходили в гости, чтобы поздравить родителей. Новость дошла и до старейшины. Сын старейшины служил чиновником в императорском дворце, а внук жил с ним. Внук был мало того что уродлив, так еще и относился к людям крайне жестоко. Никто в деревне не любил его.

Когда старейшина и его внук узнали, что в семье Бай Е родился Дух Дракона, они подумали, что ребенок — переродившийся злой дух, и если он останется в живых, то наверняка принесет беду. Поэтому они тотчас же отправились в дом Бай Е с мечами в руках и с самыми плохими намерениями в головах. Жители деревни прознали об их коварном замысле и немедленно рассказали Бай Е. Ребенка решили положить в таз и спрятать в Лотосовом озере перед домом.

Когда старейшина и его страшный внук ворвались в дом, ребенка там уже не было. Не найдя Духа Дракона, они схватили Бай Е и стали требовать, чтобы он отдал им мальчика. Внук старейшины увидел, как красива Хэ Хуа, и у него появился страшный план: заколоть мечом Бай Е и забрать бедную Хэ Хуа к себе домой. Он рассказал о плане деду, и старейшина подумал: «Тогда у Духа Дракона не станет родителей, и даже если он еще жив, то все равно скоро умрет от голода. К тому же Хэ Хуа уже родила Духа Дракона. Если она родит еще одного, то Поднебесная будет принадлежать

моей семье!» Чем больше он об этом думал, тем больше радовался. Старейшина не выдержал и громко рассмеялся.

Оказавшись в доме старейшины, убитая горем Хэ Хуа очень тосковала по мужу и сыну. Однажды старейшина заставил ее идти промывать рис. Хэ Хуа подошла к берегу озера и уже хотела начать работу, как вдруг подул прохладный ветер. Листья, будто повинувшись чьему-то тайному приказу, расступились и освободили на водной глади дорожку. Хэ Хуа увидела сына, по которому тосковала днями и ночами: он сидел в подплывающем к матери тазу. Хэ Хуа не могла поверить собственным глазам! В удивлении и счастье страдавшая женщина заключила сына в объятия, досыта накормила, а затем снова положила в таз. Еще один порыв прохладного ветра — и таз надежно скрылся в зарослях лотоса. Хэ Хуа увидела сына целым и невредимым, и теперь ее сердце было полно радости: она улыбнулась впервые за долгое время. С тех пор она каждый день по три раза ходила к берегу озера мыть рис и пользовалась возможностью покормить сына.

Прошло девятьсот девяносто девять дней. Малыш понемногу рос, покрывающая все тело драконья чешуя ярко блестела, и когда наступала ночь, Лotosовое озеро излучало сияние. Так люди узнали, что Дух Дракона жив, и втайне радовались. Но лишь семейство старейшины было очень, очень не радо и все время хмурилось. Наконец в голове старейшины возник новый коварный план.

В очередной вечер Хэ Хуа снова пошла к озеру мыть рис. Старейшина и внук спрятались в тополиных зарослях и увидели все: и рябь на воде от ветра, и как из глубины озера медленно выплыл таз, и покрытого золотом ребенка, который радостно тянул руки к Хэ Хуа. Когда безгранично счастливая Хэ Хуа хотела обнять сына, из-за тополя кто-то выскочил и занес блестящий меч над ребенком. Но мальчик

вздыхнул, выпрыгнул из таза, превратился в маленького золотого дракона и полетел к середине озера. Маленький дракон опоздал на мгновение, и меч успел задеть его хвост. В этот момент прилетела прекрасная большая бабочка и превратила свои крылья в хвост маленького дракона. Дракон зарычал, тут же сгустились тучи и разразилась буря. Среди грома и молнии тело дракона понемногу увеличивалось, стало огромным — длиной в несколько десятков чжанов¹. Затем закрутился вихрь, дракон взметнулся ввысь и скрылся в облаках. А напавшего на него уродливого внука порывом ветра подняло в воздух. Старейшина едва успел заметить, как внук куда-то понесся, и услышал звонкое «шлеп!» — это внук упал в пруд, да в нем и утонул. Хэ Хуа громко звала сына-дракона, но он уже исчез.

С тех пор всякий раз, когда на берегах Тяоси случалась засуха, маленький дракон появлялся и орошал земли односельчан дождевой водой. Чтобы отблагодарить его, люди собрали на озере сорок девять цветов лотоса и из девятисот девяноста девяти лепестков соорудили прекрасную фигуру дракона. Люди называли этого дракона Бай Е Лун — Дракон Сотни Листьев. Каждый год на праздник Чуньцзе люди били в гонг, стучали в барабаны и танцевали с фонарями, изображая дракона.

СТАНЦУЕМ ТАНЕЦ ДРАКОНА

Дракон, феникс, цилинь² и черепаха — этих четырех животных в древности называли «сылин» («четыре божества»). Из них именно дракон считается самым почитаемым, это тотем китайской нации. Конечно, дракон — не реально

¹ Чжан — мера длины, равная 3,33 м.

² Цилинь — в китайской мифологии чудо-зверь, главное из 360 животных, проживающих на суше.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru